

Особенности стратегии ЕАЭС по формированию сети ЗСТ¹

Зуев В.Н., Островская Е.Я., Скрыбина В.Ю., Калачигин Г.М.

В текущем столетии количество соглашений о зонах свободной торговли (ЗСТ) в международной торговле стремительно растет, что делает их основным инструментом либерализации торговых отношений между странами. ЕАЭС, созданный в 2015 г. и обладающий компетенциями таможенного союза, также начал проводить политику активного выстраивания своих внешне-торговых отношений с использованием инструментария ЗСТ. К настоящему моменту уже действуют четыре подобных преференциальных и одно непреференциальное торговое соглашение, а в 2021–2025 гг. ожидается подписание еще как минимум трех соглашений.

Формирующаяся сеть приобретает специфические черты и характерные особенности, которые будут иметь важное значение как для экономического развития стран – членов ЕАЭС, так и позволят его партнерам выстраивать свою внешнеэкономическую стратегию с учетом новых реалий. География заключаемых ЕАЭС соглашений позволяет утверждать о намерениях создать широкую сеть ЗСТ, покрывающую прежде всего Восточное полушарие, с потенциалом распространения на все основные регионы. Партнеры ЕАЭС, как правило, небольшие государства и не самые сильные экономики, а содержание договоров о ЗСТ пока не является столь широким и глубоким, как, напри-

---

¹ Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2020 г.

Зуев Владимир Николаевич – д.э.н., профессор кафедры торговой политики Института торговой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: vzuev@hse.ru

Островская Елена Яковлевна – к.э.н., доцент департамента мировой экономики Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: eostrovskaya@hse.ru

Скрыбина Валентина Юрьевна – к.э.н., преподаватель кафедры торговой политики Института торговой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; консультант Департамента промышленной политики Евразийской экономической комиссии. E-mail: skryabina.valentina@gmail.com

Калачигин Григорий Михайлович – стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: gkalachigin@hse.ru

Статья получена: 7.09.2020/Статья принята 10.02.2021.

мер, у ЕС. Примечательно, что в соглашениях почти отсутствуют договоренности в рамках ВТО-экстра. Однако ЕАЭС находится только в начале пути построения сети ЗСТ, и понимание направления этого движения, являющееся главной целью статьи, позволит более точно спрогнозировать как будущую роль ЕАЭС в международной торговой системе, так и политику торговых партнеров объединения.

В данной статье проведен анализ особенностей текущей конфигурации и содержательной специфики формирующейся сети ЗСТ ЕАЭС на основе заключенных и ожидаемых в краткосрочной перспективе соглашений, а также намечены наиболее вероятные перспективы ее развития.

Ключевые слова: ЕАЭС; экономическая интеграция; внешняя торговля; РТС; сети ЗСТ; хабы и ответвления.

DOI: 10.17323/1813-8691-2021-25-1-42-64

Для цитирования: Зуев В.Н., Островская Е.Я., Скрябина В.Ю., Калачигин Г.М. Особенности стратегии ЕАЭС по формированию сети ЗСТ. Экономический журнал ВШЭ. 2021; 25(1): 42–64.

For citation: Zuev V.N., Ostrovskaya E.Ya., Skryabina V.Yu., Kalachyhin H.M. Features of the EAEU Strategy for the Formation of an FTA Network, *HSE Economic Journal*. 2021; 25(1): 42–64. (In Russ.)

Введение

Торгово-экономические связи оказывают существенное влияние на экономическое развитие стран. Динамически развивающиеся процессы обмена товарами, ресурсами и факторами производства являются существенными стимулами экономического роста государств так же, как и технологии производства, тип управления и инновации.

Всемирная торговая организация (ВТО) была создана как платформа для ведения многосторонних переговоров по различным аспектам развития торговли товарами, услугами и объектами интеллектуальной собственности. Однако в силу различных позиций стран-членов по вопросам торговой повестки и большого разброса интересов, главным образом развитых и развивающихся стран, часто противоречащих друг другу, ВТО оказалась неспособной обеспечить завершение переговоров в рамках Доха-раунда вплоть до сегодняшнего дня, причем как по вопросам, возникшим в сфере международного регулирования торговли в начале текущего столетия, так и по проблемам, связанным с новыми вызовами международной торговой системе. В основе такого развития событий лежит множество причин. За 25 лет существования ВТО из массы развивающихся стран выделился ряд государств, претендующих на ведущие роли в мировой экономике, оказывающих заметное влияние на формирование новой архитектуры торгово-экономического пространства (Китай, Индия и др.). Произошла и глубокая дифференциация развивающихся стран в целом, что поставило под сомнение справедливость и целесообразность применения преференциального режима – одного из базовых принципов ВТО. В результа-

те в рамках ВТО наблюдается колоссальное снижение уровня доверия, что негативно сказывается на эффективности деятельности организации и предполагает ее реформирование. Одним из преимуществ ВТО и ее отличий от ГАТТ является наличие Органа по разрешению споров. Однако и на этом направлении США заблокировали деятельность Апелляционного органа, что подорвало арбитражные функции ВТО. И наконец, кризис ВТО вызван необходимостью пересмотра механизма принятия решений, т.е. необходимостью отказа от принципа консенсуса. Если в рамках ГАТТ наблюдалось небольшое количество активных стран, участвующих в принятии решений, безоговорочно поддерживаемых большинством, то в настоящее время на платформе ВТО имеется разнообразная палитра многочисленных мнений, часто противоположных; страны злоупотребляют правом «вето», причем нередко по политическим мотивам.

В этой связи все более значимым становится использование регионального формата в регулировании международной торговли, а именно – заключения региональных и межрегиональных торговых соглашений (РТС), преимущественно в формате зон свободной торговли (ЗСТ) в соответствии с нормами ВТО.

К активному применению такого механизма приходят те страны, которые нацелены на более глубокую либерализацию торговли (относительно уровня, достигнутого в рамках ВТО), на расширение и углубление торгово-экономических отношений с зарубежными партнерами, на активизацию и использование внешнеторговых связей для стимулирования экономического роста национальной экономики.

Торговые войны и сопутствующие процессы вывели кризис ВТО на новый уровень, подвергнув риску существование организации как таковой. В условиях, когда стремление нарушать многосторонние обязательства становится правилом, а не исключением, РТС выступают в качестве эффективных механизмов хеджирования рисков от торговых войн и других причин роста протекционизма (например, пандемий). Это проявляется в двусторонних обязательствах партнеров по РТС, которые не оставляют, например, коридоров для маневров в используемых ставках импортных тарифов².

К началу 2021 г. число нотифицированных действующих соглашений о ЗСТ составляло 341. Большая часть из них – 258 соглашений – была заключена в XXI в.³ Таким образом, в этом столетии скорость вступления в силу РТС была поразительно высокой – примерно 12 соглашений в год⁴. Если учитывать все более расширенный формат таких соглашений по кругу рассматриваемых в них вопросов, то заключение в среднем каждый месяц одного такого соглашения – это серьезный результат в области формирования сети соглашений нового качества.

Несмотря на то, что в мировой экономике феномен углубления сотрудничества на основе двусторонних и многосторонних РТС, в том числе преференциальных, наблюдает-

---

² Речь идет о том, что в рамках обязательств перед ВТО страны могут повышать применяемые тарифы до уровня связанности, в то время как обязательства по РТС фиксируют однозначное значение ставок на дату.

³ WTO. Regional Trade Agreements [Электронный ресурс]. (<https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>) (дата обращения: 10.06.2020)

⁴ Еще в середине 2020 г. суммарное количество действующих ЗСТ было чуть более 300. Такой бурный рост за полгода объясняется выходом Великобритании из ЕС и ее перезаключением соглашений о ЗСТ со странами – партнерами ЕС.

ся уже достаточно давно, страны ЕАЭС до недавнего времени с большой осторожностью подходили к этому вопросу (например, Россия вплоть до 2015 г. участвовала менее чем в 10 подобных соглашениях, причем большинство из них было заключено с государствами постсоветского пространства)⁵. В то же время, к началу 2021 г. Евросоюз подписал 43 соглашения⁶, ЕАСТ и Чили заключили порядка 30 соглашений, Сингапур, Мексика и Турция – около 20 РТС, Республика Корея, Перу, Украина, и Япония – более 15 соглашений⁷. В результате можно наблюдать, как данные страны и объединения создавали собственные интеграционные сети, ведущие к наращиванию товарооборота и к усилению экономических взаимосвязей, углублению инвестиционного взаимодействия, формированию глобальных цепочек добавленной стоимости и активизации участия стран в уже существующих и т.д.

Создание ЕАЭС вывело интеграцию на постсоветском пространстве на качественно новый уровень. Принимая во внимание международный опыт, государства – члены ЕАЭС стали активнее рассматривать возможность расширения торгово-экономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока, Северной Африки и Европы посредством заключения соглашений о ЗСТ. Переговоры по вопросу заключения данных соглашений могут затрагивать множество аспектов экономического сотрудничества, что позволяет усиливать экономические связи со странами из разных регионов мира и стимулировать развитие национальных экономик в условиях экономических санкций и растущего глобального протекционизма. При реализации данных возможностей ЕАЭС может стать еще одним крупным игроком мировой торговой системы с широкой сетью ЗСТ.

В данной работе выявляются особенности создания ЕАЭС собственной сети региональных торговых соглашений с учетом мнения ведущих специалистов в этой области, дается оценка целесообразности уже заключенных соглашений и их значения для экономики стран – членов ЕАЭС, анализируются возможности расширения имеющейся сети ЗСТ в ЕАЭС в ближайшей перспективе.

1. Предпосылки формирования сети ЗСТ ЕАЭС

Во многом широкому распространению практики заключения РТС способствовало создание ВТО, однако большую роль в решении правительств стран о начале переговоров по РТС играли другие внутренние и внешние факторы (в том числе политические императивы и экономические стимулы) [Damro, 2006].

Одной из ключевых причин стремления стран к торговой либерализации является вопрос ее влияния на экономический рост. К настоящему моменту существует множество работ, подтверждающих положительные эффекты торговой либерализации на экономический рост как на уровне отдельных стран [Baldwin et al., 2004; Connolly et al., 2015], так и на уровне рассмотрения нескольких стран в совокупности [Krueger, 1998; Greenaway et al.,

⁵ Исключением является ЗСТ с Сербией.

⁶ В данное число не входят расширение членства ЕС, а также расширение членства ранее заключенных соглашений о ЗСТ с участием ЕС.

⁷ WTO. Regional Trade Agreements [Электронный ресурс]. (<https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>) (дата обращения: 10.06.2020)

2002; Yanikkaya, 2003; Santos-Paulino et al., 2004; Winters, 2004; Wacziarg et al., 2008]. Вопросом определения последствий для экономик стран-участниц от заключения соглашений о ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом занимались, в том числе, Ушкалова (2018), Мазырин (2016), Ревенко (2017), Глинкина и др. (2018). Также работы отечественных исследователей посвящены определению потенциала развития сотрудничества ЕАЭС с Египтом, Израилем, Китаем, Сингапуром, Индией, Южной Кореей, АСЕАН и другими странами Дальнего зарубежья [Хейфец, 2018; Подбиралина, 2016; Воловик, 2017; Кадочников и др., 2016; Лихачева, Калачигин, 2018; Костюнина, 2019; Островская, Скрыбина, 2016; Скрыбина, 2019].

Государства – члены ЕАЭС до его создания заключали региональные торговые соглашения в основном на пространстве СНГ. С 1994 г. предпринимались попытки заключить соглашение о зоне свободной торговли в рамках СНГ с участием всех постсоветских государств, кроме прибалтийских, которые после распада СССР подали заявку на вступление в ЕС. Предпринимаемые попытки увенчались успехом лишь в 2011 г., когда 8 стран (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Украина и Таджикистан) подписали Соглашение о ЗСТ, которое вступило в силу в сентябре 2012 г. С января 2016 г. Россия и Украина не распространяют действие данного соглашения на взаимные связи. Тем не менее, хоть и в усеченном виде, двусторонний формат либерализации торговли на пространстве СНГ был заменен многосторонним. Кроме соглашений на постсоветском пространстве Россия заключила в 2000 г. соглашение о зоне свободной торговли с Сербией. Беларусь и Казахстан также имели аналогичные соглашения с Сербией, вступившие в силу в 2009 и 2010 гг. соответственно. Армения и Киргизия таких соглашений не имели.

Сам факт существования более 300 РТС без участия стран ЕАЭС создает мощные стимулы вовлечения объединения в процесс создания собственной сети ЗСТ. Создание регионального блока вызывает своего рода лавинообразный эффект, поскольку исключенные страны либо поддаются давлению включения, либо реагируют, создавая свою собственную группу [Winters, 1999]. Во второй половине XX в. конкурентоспособность стран Юго-Восточной Азии и некоторых других субрегионов снизилась из-за успешного развития интеграционных процессов в Европе (ЕС) и Северной Америке (НАФТА). В результате сработал демонстрационный эффект. Успешное развитие интеграции в рамках Европейского союза и НАФТА и их активное вовлечение в систему международной торговли послужило мощным экономическим стимулом для инициирования интеграционных процессов в АТР. И сегодня Азиатско-Тихоокеанский регион выделяется как новый и динамичный центр интеграционного взаимодействия. Таким образом, необходимость заключения ЗСТ для ЕАЭС вызвано, в частности, стремлением минимизировать упущенные выгоды от преференций в торговле с третьими странами, а также для успешной конкуренции с другими крупными интеграционными объединениями.

Кроме того, активизация переговорного процесса по созданию ЗСТ с третьими странами связана с санкционным противостоянием между Россией, первой экономикой ЕАЭС, и рядом западных стран, возникшим вследствие политических разногласий 2014 г. и негативно повлиявшим на экономическую активность в РФ. Параллель можно провести с Азиатским финансовым кризисом: он стал причиной нарастания активности по заключению ЗСТ в Восточной Азии [Dent, 2013].

Целесообразность создания собственной сети ЗСТ также объяснима в рамках концепции «хабов и ответвлений»⁸, предусматривающей большие выгоды от ЗСТ для стран,

---

⁸ Hubs and spokes.

которые выступают в роли хабов⁹. ЕАЭС может выполнять роль суперхаба¹⁰, так как он может выступать в качестве промежуточного звена во взаимоотношениях между большим количеством стран и приумножить получаемые выгоды. Такая возможность эмпирически доказана. Например, авторы работы [Alba et al., 2008] проанализировали данные торговли между 99 странами в период 1960–1999 гг. и пришли к выводу, что ЗСТ приводят к наращиванию торговли между ее участниками, а статус хаба способствует дополнительному увеличению экспорта страны. Таким образом, ЕАЭС необходимо выстроить свою стратегию в области формирования ЗСТ таким образом, чтобы выступать в роли евразийского торгового хаба, что будет способствовать наращиванию торговых потоков.

Широкое распространение практики заключения РТС в последние десятилетия привело к созданию достаточно сложной и довольно противоречивой системы торговых отношений между странами, что отчасти нивелирует значимость региональных торговых соглашений [Bhagwati, 2008]. В первую очередь, это касается так называемого эффекта «миски лапши». Разные условия торговых соглашений в отношении предоставляемых преференций обуславливают дополнительные издержки экономических агентов и приводят к сложностям при совершении торговых операций в отличие от международных соглашений. В связи с этим у ЕАЭС есть уникальная возможность формировать свою архитектуру сети ЗСТ с поправкой на проблему «миски лапши», что возможно благодаря относительно недавнему старту процесса.

Таким образом, ЕАЭС заинтересован в создании собственной сети ЗСТ так как это позволит восполнить упущенные выгоды от поздней (по сравнению с другими странами) интеграции в многостороннюю систему и сформировать собственный центр притяжения торговли. В то же время ЕАЭС имеет возможность избежать ошибок, допускаемых другими странами при создании своих сетей ЗСТ.

2. Особенности формирующейся сети ЗСТ ЕАЭС

Опыт ведения переговоров по формированию ЗСТ для России и ее партнеров по ЕАЭС к моменту образования Союза был ограничен, а выбор первого партнера ЕАЭС по ЗСТ являлся особенно важным шагом. Это связано с тем, что первое соглашение должно было сформировать основы внешнеэкономической стратегии ЕАЭС в системе координат конъюнктуры, складывающейся под воздействием растущего протекционизма со стороны лидеров мировой экономики.

Одним из ключевых факторов, влияющих на выбор той или иной страны в качестве партнера по ЗСТ, является внешнеторговый оборот товарами и услугами между сторонами и потенциал его роста. Ключевыми торговыми партнерами России и других стран – членов ЕАЭС являются Европейский Союз и Китай. Однако варианты заключения ЗСТ с ними были маловероятны по ряду причин. Прежде всего это политический конфликт между

---

⁹ Пусть существуют 3 страны: А, В и С. Страна А заключила двусторонние РТС со странами В и С. В данной ситуации страна становится хабом и пользуется преференциями обеих стран (В и С), в то время как они – только преференциями страны А. Как следствие, страна А получает больше выгод, выступая в качестве хаба.

¹⁰ Под суперхабом понимаются те страны, которые характеризуются либо наличием очень большого количества ЗСТ с центром в одной стране [Lloyd, Maclaren, 2004], либо когда страна является хабом сразу для нескольких пар стран (ее партнеров по ЗСТ) [Chong et al., 2008].

Россией и Западом из-за политических разногласий 2014 г. и последовавшее за ним санкционное противостояние. Что касается Китая, то вопрос о ЗСТ с Россией и странами Центральной Азии неоднократно поднимался китайским руководством, например, в рамках ШОС, но как у РФ, так и у ее партнеров по ЕАЭС возможное ЗСТ с Китаем вызывает серьезные опасения: внутренние рынки могут быть наводнены дешевыми китайскими товарами, что создаст угрозу для национальных производителей во многих отраслях. С целью сближения позиций и упрочнения как экономических, так и политических отношений в 2015–2018 гг. прошли переговоры по заключению отдельного неpreferенциального торгово-экономического соглашения с Китаем¹¹. В мае 2018 г. данное соглашение было заключено сторонами и к настоящему времени успешно функционирует. Поскольку соглашение включает договоренности относительно нетарифного регулирования, а также меры по развитию сотрудничества в некоторых сферах, в том числе в сфере охраны интеллектуальной собственности, добросовестной конкуренции и электронной торговли, оно приносит ощутимый положительный эффект для предприятий ЕАЭС [Скрябина, 2019].

В краткосрочной перспективе создание полноценного ЗСТ с Китаем является маловероятным, в то время как политическое и экономическое противостояние крупнейшего члена ЕАЭС со странами ЕС не позволяет делать какие-либо прогнозы по созданию preferенциального режима между ними.

Тем не менее за первые 5 лет своего существования ЕАЭС достиг определенных успехов по формированию сети ЗСТ. Уже в мае 2015 г. было подписано соглашение о ЗСТ с Вьетнамом, которое вступило в силу в октябре 2016 г. В декабре 2016 г. были утверждены решения ЕАЭС о начале переговоров по созданию ЗСТ с Египтом, Ираном, Сингапуром и Индией¹². В итоге к началу 2021 г. кроме упомянутого соглашения с Вьетнамом вступило в силу также Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли с Ираном, кроме того, подписаны Соглашения о ЗСТ с Сингапуром¹³ (в части торговли товарами) и с Сербией¹⁴. В настоящее время ведутся переговоры по соглашениям с Египтом и Израилем¹⁵. Кроме того, планируется проведение первого раунда переговоров с Индией¹⁶. В сентябре 2020 г. было объявлено о начале исследования перспектив создания ЗСТ ЕАЭС с Монголией и Индонезией¹⁷.

---

¹¹ Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР [Электронный ресурс]. (<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx>) (дата обращения: 10.06.2020)

¹² Президенты стран ЕАЭС одобрили начало переговоров по созданию зон свободной торговли с Ираном, Индией, Египтом и Сингапуром. (<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-12-2016-9.aspx>) (дата обращения: 10.06.2020)

¹³ ЕАЭС и Сингапур подписали Соглашение о свободной торговле. (<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01.10.2019-2.aspx>) (дата обращения: 10.06.2020)

¹⁴ ЕАЭС и Сербия подписали Соглашение о свободной торговле. (<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-10-2019-6.aspx>) (дата обращения: 10.06.2020)

¹⁵ Путин: подготовка соглашения о свободной торговле Израиля и ЕАЭС завершается // Экономика и бизнес. ТАСС. (<https://tass.ru/ekonomika/6894720>) (дата обращения: 10.06.2020)

¹⁶ Там же.

¹⁷ ЕАЭС начинает совместные исследования перспектив заключения соглашений о свободной торговле с Монголией и Индонезией. (<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/15.09.2020-2.aspx>) (дата обращения: 05.10.2020)

Примечательно, что подписание соглашения о ЗСТ с Вьетнамом – первой ЗСТ ЕАЭС – произошло в первый же год функционирования ЕАЭС. Выбор Вьетнама в качестве первой страны, с которой ЕАЭС начал переговоры о заключении ЗСТ, представляется логичным. Накануне саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г. Россия начала переговоры по формированию ЗСТ с Вьетнамом с целью обеспечения преемственности повестки саммитов АТЭС и продолжения дискуссии по реализации Богорских целей 1994 г., предполагавших создание Паназиатской зоны свободной торговли между странами – участниками форума. И хотя переговорный процесс не был завершен, этот опыт был использован, а достигнутые результаты послужили основой для переговорного процесса уже с участием ЕАЭС.

У всех стран – членов ЕАЭС, являвшихся в прошлом республиками СССР, имелся опыт сотрудничества с Вьетнамом в рамках Совета экономической взаимопомощи, т.е. имелись вполне сложившиеся торговые связи экономических агентов. Наконец, за последнее десятилетие Вьетнам, благодаря экономическим реформам, добился высоких темпов экономического роста (6–7%) и превратился в динамичную экономику не только в регионе Юго-Восточной Азии, но и в мировой экономике в целом. Таким образом, подписание соглашения о ЗСТ с Вьетнамом в 2015 г. было в значительной степени обусловлено наличием наработок по данному вопросу и исторически сложившимися отношениями сторон в сфере торговли.

Переходя к характерным особенностям формирующейся сети ЗСТ ЕАЭС, можно выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, географические очертания интеграционной сети ЕАЭС (табл. 1) охватывают практически все Восточное полушарие (за исключением региона Океании). В краткосрочной перспективе ЕАЭС способен завершить формирование платформы по усилению своего присутствия на каждом из региональных рынков (Вьетнам и Сингапур – в Юго-Восточной Азии, Индия – в Южной Азии, Иран и Израиль – на Ближнем Востоке, Египет – на африканском континенте, Сербия – в Европе).

Во-вторых, страны-партнеры по заключенным и планируемым к заключению соглашениям о ЗСТ ЕАЭС объединяет незначительный размер экономики и малая доля в товарообороте ЕАЭС (табл. 1). Только с Индией и Египтом показатель превышает 1% от общего объема экспорта/импорта ЕАЭС. В среднем в 2015–2019 гг. доля экспорта в эти 7 стран составляла порядка 5–6% от общего экспорта в третьи страны.

Стоит отметить, что данный факт не является чем-то исключительно необычным, если сравнивать формирование ЗСТ с другими странами мира. Другие страны, имеющие в настоящее время широкие сети ЗСТ, чаще всего первые соглашения заключали с неосновными партнерами. Так, первое соглашение Республики Корея было заключено в 2004 г. с Чили – страной, занимавшей 0,3% суммарного экспорта в 2003 г. Следующим партнером был Сингапур (ЗСТ вступило в силу в 2006 г.) – в 2005 г. на данную страну приходилось 2,6% стоимости экспорта Республики Корея. Первым партнером Мексики по ЗСТ была Колумбия: за год до вступления соглашения в силу (1995 г.) ее доля составляла всего 0,5% в экспорте Мексики.

Переговоры о создании преференциального режима являются крайне сложным и длительным процессом, так как приводят к значительным изменениям в обязательствах сторон. Таким образом, заключение первых соглашений с неосновными партнерами является действенным механизмом по выстраиванию переговорной позиции и не несет существенной угрозы для экономики (так как занимают малую долю в торговле). При этом необходимо отметить, что переговоры ЕАЭС ведутся в большинстве случаев со странами,

с которыми исторически, еще в эпоху СССР, формировались особые отношения партнерства в данном регионе мира.

Таблица 1.

Специфика стран – партнеров ЕАЭС по действующим и потенциальным ЗСТ

Партнер	Регион	Место экономики партнера в мире в 2019 г.*	Средняя доля в экспорте ЕАЭС в 2015–2019 гг., %	Средняя доля в импорте ЕАЭС в 2015–2019 гг., %
Вьетнам	АТР	28	0,43	1,18
Сингапур		36	0,61	0,28
Иран	Ближний	20 (2017 г.)	0,42	0,24
Египет	Восток и Северная		1,2	0,19
Израиль	Африка	48	0,44	0,32
Сербия	Европа	78	0,25	0,39
Индия	Южная Азия	3	1,67	1,18

* По уровню ВВП по ППС в текущих ценах.

Источник: составлено авторами по данным TradeMap и Всемирного Банка.

В-третьих, потенциал развития экономик стран – партнеров по ЗСТ весьма высок. Это динамично развивающиеся экономики (Вьетнам, Сингапур, Индия, Иран) с хорошим потенциалом роста. Это означает, что и потенциальные выгоды от сотрудничества с этими партнерами для стран ЕАЭС также будут постепенно нарастать. Важно отметить постепенное интегрирование ЕАЭС в существующую глобальную сеть ЗСТ. Более резкое движение в этом направлении было бы чревато непредсказуемыми последствиями для молодых экономик. Факт того, что этот процесс будет иметь положительную динамику, а переход к более глубоким формам сотрудничества будет постепенным для неокрепших пока в международной конкурентной борьбе экономик ЕАЭС, становится рациональным, а возможно, и оптимальным вариантом встраивания в международную сеть ЗСТ.

В-четвертых, уровень тарифной и нетарифной защиты их рынков существенно различается – от почти 18% в Индии до фактически 0% в случае Сингапура (табл. 2). Очевидно, что этот показатель не является существенным критерием при выборе партнеров. Однако выбирая партнеров с низкой тарифной защитой, преобладающими факторами становятся иные мотивы – доступ к инновациям и инвестициям, сотрудничество в связанных секторах, доступ на рынок региона в целом, взаимодополняемая структура торговых потоков и, несомненно, стремление улучшить политические взаимоотношения.

Наконец, в соглашения ЕАЭС включаются в основном некоторые меры ВТО-плюс (табл. 3), т.е. подтверждается приверженность конкретным обязательствам в рамках ВТО либо более глубоко прорабатываются вопросы, содержащиеся в базовых соглашениях ВТО. Достигнутые договоренности принимают форму двусторонних обязательств в рамках конкретного соглашения. В практике ЕАЭС это – торговля услугами, сфера госзакупок, фитосанитарные нормы, таможенное администрирование и т.п. Примечательно, что почти отсутствуют договоренности в рамках ВТО-экстра, касающиеся координации различных

векторов межправительственного сотрудничества (конкурентная, экологическая, миграционная, инновационная, социальная политики, защита прав потребителей, регулирование сотрудничества в области культуры и образования и т.п.).

Таблица 2.

**Особенности торговли ЕАЭС с партнерами
по действующим и потенциальным ЗСТ**

Партнер	Степень защиты рынка	Особенности торговли товарами со страной-партнером	Другие особенности
Вьетнам	10,57% – уровень тарифной защиты до ЗСТ	В товарообороте ЕАЭС со странами АСЕАН 30% приходится на Вьетнам. В товарной структуре торговли значительна доля моторных транспортных средств в экспорте и товаров легкой промышленности в импорте	Первый партнер по ЗСТ
Сингапур	Тарифные барьеры практически отсутствуют	95% экспорта ЕАЭС приходится на минеральное топливо. Основа импорта – электрическое и промышленное оборудование, оптические приборы, фармацевтическая продукция, продукция судостроения	Снижение таможенных пошлин только со стороны ЕАЭС. Ведутся переговоры по отдельным соглашениям по либерализации торговли услугами и инвестиционного регулирования между каждым государством – членом ЕАЭС и Сингапуром
Сербия	Режим беспошлинной торговли на 95% товарооборота	В экспорте ЕАЭС наряду с природными ресурсами поставляется промышленное и электрическое оборудование, моторные транспортные средства	Унификация действующих двухсторонних договоров. Присоединение к ЗСТ Армении и Киргизии. Сербия ведет переговоры по вступлению в ЕС
Иран	Высокий уровень тарифной защиты и непредсказуемость торговой политики	14% торгового оборота ЕАЭС со странами Ближнего Востока и Северной Африки. Привлекателен для поставок металлургии, изделий из дерева, оборудования	В настоящий момент действует Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли, но в краткосрочной перспективе планируется создание долгосрочной ЗСТ ¹⁸ . Иран – не член ВТО. Наибольшие выгоды из стран ЕАЭС получает Армения

¹⁸ В декабре 2020 г. было принято решение о начале переговоров с Ираном по соглашению о свободной торговле. Подробнее: Высшим Евразийским экономическим советом рассмотрены вопросы внешнеторговой повестки ЕАЭС. (<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/11-12-2020-06.aspx>) (дата обращения: 01.03.2021)

Окончание табл. 2.

Партнер	Степень защиты рынка	Особенности торговли товарами со страной-партнером	Другие особенности
Египет	18,92% – уровень тарифной защиты до ЗСТ	Отсутствие доминирования энергетических товаров в структуре экспорта ЕАЭС	Заинтересованность ЕАЭС в упрощении инвестиционного сотрудничества. В связи со вступлением в силу в 2019 г. соглашения об Африканской континентальной зоне свободной торговли ¹⁹ существует потенциал упрощения доступа товаров ЕАЭС на весь африканский континент
Израиль	3,3% – уровень тарифной защиты до ЗСТ	3/4 экспорта ЕАЭС приходится на топливно-энергетические товары, драгоценности и металлургическую продукцию. Импорт: медицинская и фармацевтическая продукция и оборудование, электроника, а также фрукты и овощи	Играет роль заинтересованность России в наращивании сотрудничества, в том числе с точки зрения обеспечения своей региональной безопасности
Индия	17,83% – уровень тарифной защиты до ЗСТ	Некоторая продукция ЕАЭС достаточно востребована на индийском внутреннем рынке, например, калийные и фосфорные удобрения, уголь, синтетический каучук, драгоценные металлы и камни. Некоторая индийская продукция достаточно востребована на российском внутреннем рынке, так как в большей степени дополняет его структуру. Например, чай, лекарственные средства. Также по некоторым товарным группам Индия является основным поставщиком продукции в Россию. В том числе: специи, изделия из кожи, органические химикаты	Емкий растущий рынок, но является крайне тяжелым переговорщиком, что проявляется в затягивании процесса (в том числе и с ЕАЭС, так как подписание совместного заявления о начале переговоров состоялось еще в июне 2017 г. ²⁰ , но первый раунд до сих пор не состоялся)

Источник: составлено авторами по диссертации Скрябиной В.Ю. «Экономический эффект от участия России в интеграционных процессах со странами Дальнего зарубежья (на примере возмож-

¹⁹ Лидеры стран Африки договорились о запуске зоны свободной торговли // Российская газета. (<https://rg.ru/2019/07/08/lidery-stran-afriki-dogovorilis-o-zapuske-zony-svobodnoj-torgovli.html>) (дата обращения: 10.06.2020)

²⁰ ЕАЭС и Индия начали официальные переговоры по заключению соглашения о свободной торговле. (<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/3-06-2017.aspx>) (дата обращения: 10.06.2020)

ных последствий создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Египтом», 2019; WTO. Reports. (<http://tao.wto.org/Default.aspx> (дата обращения: 10.06.2020))

Таблица 3.

ВТО-плюс и ВТО-экстра в действующих ЗСТ ЕАЭС

Положение	Характер	Вьетнам	Сингапур ¹	Сербия	Иран
Таможенное администрирование	ВТО-плюс	+	+	+	+
СФС	ВТО-плюс	+	+	+	+
ТБТ	ВТО-плюс	+	+	+	+
Деятельность государственных торговых предприятий	ВТО-плюс	+		+	+
Компенсационные меры	ВТО-плюс	+	+	+	+
Антидемпинговые меры	ВТО-плюс	+	+	+	+
Госзакупки	ВТО-плюс	+	+		
Торговля услугами	ВТО-плюс	+ ²			
ТРИПС	ВТО-плюс	+ ²	+	+	
Конкурентная политика	ВТО-экстра	+	+		
Экологические законы	ВТО-экстра	+	+		
Права интеллектуальной собственности	ВТО-экстра	+ ²	+	+	
Инвестиционные меры	ВТО-экстра	+ ²			
Регулирование рынка труда	ВТО-экстра	+ ²			
Электронная торговля	ВТО-экстра	+	+	+	
Защита потребителей	ВТО-экстра	+ ³	+ ³		
Защита данных	ВТО-экстра	+ ³	+ ³		

¹ В настоящий момент ведутся переговоры по двусторонним соглашениям между государствами – членами ЕАЭС и Сингапуром по торговле услугами и инвестициям.

² Данные положения применяются только между Россией и Вьетнамом.

³ Данные положения действуют в части соглашения по электронной торговле.

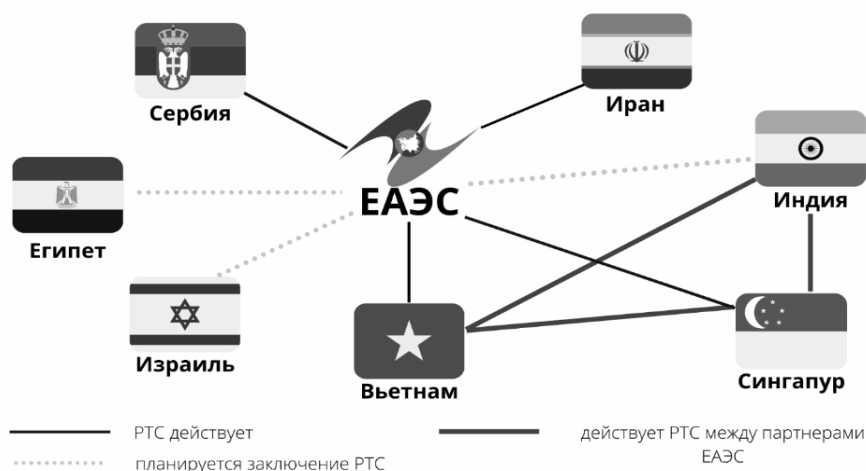
Источник: составлено авторами на основе текстов соглашений ЕАЭС и классификации [Horn et al., 2010].

Таким образом, несмотря на то, что сеть ЗСТ ЕАЭС только начала формироваться, можно уже выделить некоторые ее специфические черты. К ним можно отнести: дина-

мичный первичный импульс создания сети, отмеченные особенности относительно не-больших экономик торговых партнеров, развитие сети в соответствии с концепцией «суперхаба», товарное покрытие ЗСТ без охвата сферы услуг.

3. Потенциал развития сети ЗСТ ЕАЭС

Если рассматривать развитие сети ЗСТ ЕАЭС в соответствии с постулатами теоретической концепции «хабов и разветвлений», то можно прийти к заключению, что объединение в нынешней конфигурации выступает как вполне полноценный хаб. Из семи стран²¹, с которыми у ЕАЭС сформированы или планируются в ближайшее время отношения в формате ЗСТ, только Вьетнам, Сингапур и Индия имеют взаимные ЗСТ (все заключены в рамках АСЕАН или с АСЕАН).

Рис. 1. Формат преференциальных взаимоотношений между существующими и ожидаемыми партнерами ЕАЭС по ЗСТ²²

Источник: составлено авторами на основе Базы данных РТС ВТО.

Стоит отметить, что имеющиеся и планируемые к заключению соглашения о ЗСТ Евразийского экономического союза являются важным стимулом для дальнейшего продвижения ЕАЭС не только в сами страны-партнеры, но и на более крупные региональные рынки, на которых эти страны оперируют. Вьетнам и Сингапур – активные участники интеграционных процессов в рамках АСЕАН, а в последнее время и переговоров по формированию и развитию мегарегионального проекта ВРЭП с участием АСЕАН, Китая, Японии, Республики Кореи, Австралии и Новой Зеландии (Индия приостановила свое участие в

²¹ Не учитывается Китай, так как с ним не создано ЗСТ.

²² На блок-схеме к преференциальным взаимоотношениям не относятся уступки в рамках Глобальной системы преференций и специального и дифференцированного режима. Также в рисунке не отображены ЗСТ СНГ, в котором все члены ЕАЭС участвуют (но как отдельные государства).

переговорном процессе в конце 2019 г.). Действующие соглашения с ними могут послужить своего рода «мостиком» в развитии или в активизации диалога между ЕАЭС и АСЕАН, а также партнерами АСЕАН по ВРЭП, прежде всего в области торговли. Этому может противостоять другой фактор – странам ЕАЭС будет сложнее закрепиться на рынке АСЕАН при действующем ЗСТ ЕС–АСЕАН, которое может быть подписано в среднесрочной перспективе²³.

Египет может стать другой платформой для развития более широкого торгового партнерства в торговой политике ЕАЭС. 30 мая 2019 г. вступило в силу²⁴ Соглашение об Африканской континентальной зоне свободной торговли (АКЗСТ)²⁵. Данное соглашение после полноценной ратификации будет крупнейшим РТС по количеству участников – 55 стран²⁶ (в настоящее время более половины стран – 30 – ратифицировало соглашение). Египет является одним из государств, для которого уже действуют обязательства в рамках АКЗСТ. Таким образом, создание ЗСТ ЕАЭС–Египет может опосредованно способствовать выходу евразийской продукции на рынки всего африканского континента. С учетом прогнозов, что Африка вскоре может стать «новой Азией» (с точки зрения ожидаемого бурного экономического роста), это представляет потенциал выгод от генерации торговых потоков для ЕАЭС в долгосрочной перспективе.

Значение Соглашения с Сербией также при благоприятном сценарии может выйти за рамки двусторонних отношений. В 2009 г. Сербия подала заявку на вступление в ЕС и в 2012 г. получила статус страны-кандидата на вступление. Переговорный процесс протекает непросто, тем не менее ожидается, что к 2024 г. Договор о присоединении Сербии к ЕС будет подписан, и к 2026 г. Сербия станет полноправным членом Евросоюза (два года потребуются на ратификацию Договора обеими сторонами). Безусловно, в новых условиях судьба Соглашения между Сербией и ЕАЭС будет неоднозначна, поскольку в ЕС существует единая торговая политика, тем не менее есть вероятность, что такие договорные отношения послужат дополнительным фактором для возобновления диалога между ЕС и ЕАЭС. В настоящее время Армения занимает исключительное положение, так как параллельно является членом ЕАЭС и имеет Соглашение об ассоциации с ЕС. Однако в силу глубины политического конфликта между ЕС и ЕАЭС Армении пока не удастся выполнять роль промежуточного звена для развития диалога ЕС–ЕАЭС. Однако чем больше стран будут иметь юридические основания и мотивацию для выполнения функции «моста» между двумя интеграционными группировками, тем выше вероятность выхода из тупика и налаживания конструктивного сотрудничества в рамках ЕС–ЕАЭС.

Таким образом, несмотря на то, что ЕАЭС создает или планирует создать зоны свободной торговли с государствами, доля которых в его товарообороте незначительна, формирующаяся конфигурация сети наращивает потенциал позитивных торгово-политиче-

²³ Переговоры по ЗСТ ЕС–АСЕАН стартовали еще в 2007 г, но затем были приостановлены из-за мирового финансового и экономического кризиса и возобновились лишь в конце 2015 г.

²⁴ Для вступления соглашения в силу была необходима ратификация 22 странами.

²⁵ African Continental Free Trade Area (AfCFTA) Legal Texts and Policy Documents – Tralac Trade Law Centre. (<https://www.tralac.org/resources/our-resources/6730-continental-free-trade-area-cfta.html>) (дата обращения: 10.06.2020)

²⁶ Эритрея до сих пор не подписала соглашение о создании АКЗСТ, однако ожидается, что данная страна будет членом АКЗСТ.

ских трансформаций. Во-первых, ЕАЭС станет связующим звеном между странами, не имеющими взаимных ЗСТ. В соответствии с концепцией «хабов и ответвлений» хаб имеет более выгодное положение в силу смещения торговых потоков, в том числе через создание новых производств/цепочек добавленной стоимости. Во-вторых, наращивание сотрудничества с отдельными партнерами может послужить толчком к усилению взаимосвязей как с интеграционными объединениями, членами которых они являются (например, АСЕАН, АКЗСТ, ЕС), так и к налаживанию преференциального сотрудничества с другими странами региона (потенциальные члены ВРЭП).

Анализируя перспективы формирования сети ЗСТ по инициативе ЕАЭС, следует обратить также внимание на ряд дополнительных факторов, которые в настоящее время тормозят этот процесс. Очевидно, что если урегулировать обстоятельства, имеющие сдерживающий эффект, то это приведет к росту и расширению возможностей по развитию процесса создания преференциальных торговых зон.

Несмотря на то, что, как отмечалось выше, функционирование ЕАЭС способствует углублению интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве в соответствии с классической интеграционной моделью, а именно продвижению от таможенного к экономическому союзу, в существующей схеме сохраняется достаточное количество изъятий (или ограничений). Так, хотя в теории на стадии таможенного союза страны-члены проводят единую торговую политику, т.е. все решения принимаются на наднациональном уровне, государства – члены ЕАЭС до сих пор сохраняют ряд национальных компетенций в сфере торговой политики. Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Договор о ЕАЭС), ЕАЭС может заключать международные договоры как самостоятельно, так и совместно с государствами-членами (последнее обязательно в тех сферах, где решения органов ЕАЭС являются обязательными для государств-членов)²⁷. В части торговли товарами после вступления в силу Договора о ЕАЭС именно ЕАЭС заключает договор о режиме свободной торговли, уже действующие договора по данному вопросу подлежат унификации²⁸. В то же время регулирование торговли услугами, согласно статье 38 Договора о ЕАЭС, а также инвестиционное сотрудничество остаются в национальной компетенции государств-членов.

Таким образом, соглашения о ЗСТ заключаются ЕАЭС и его государствами-членами с одной стороны, и третьей стороной, с другой. Подобный формат несет в себе несколько ограничений, негативно сказывающихся на процессе заключения соглашений о ЗСТ.

В первую очередь, необходимо отметить, что еще до принятия решения Высшим Евразийским экономическим советом (высшим органом ЕАЭС на уровне глав государств-членов) о начале переговоров с третьей страной происходит процедура согласования этого решения всеми государствами-участниками. Данная процедура может, с одной стороны, затянуть процесс принятия решения, с другой стороны, ЕАЭС может вовсе отказать стране, обращающейся с запросом о заключении ЗСТ, несмотря на согласие некоторых государств-членов.

Также ограниченные полномочия ЕЭК по проведению переговоров обуславливают широкий состав делегации от ЕАЭС, что, безусловно, замедляет процесс принятия решений.

²⁷ Статья 33 Договора о ЕАЭС.

²⁸ Статья 102 Договора о ЕАЭС.

Разногласия, возникающие у государств-членов по некоторым особо чувствительным отраслям в процессе переговоров также увеличивают сроки достижения согласованной позиции внутри ЕАЭС. Разрешение спорных ситуаций иногда требует исключительной гибкости как уполномоченных представителей органов государственной власти государств – членов ЕАЭС, так и их подведомственных предприятий.

Что касается вопросов, не связанных с торговлей товарами, особенности торговой политики ЕАЭС обуславливают различную степень вовлеченности государств-членов в интеграционные процессы. Так, в ЗСТ ЕАЭС–Вьетнам только Россия приняла решение о заключении соглашений в сфере торговли услугами и инвестиций, в ЗСТ с Сингапуром такие же соглашения подготовили все страны – члены ЕАЭС. В результате каждая страна – член ЕАЭС по итогам переговоров получает отдельный преференциальный режим, что приводит к разрозненности на уровне ЕАЭС. Это вызовет проблемы унификации режимов в случае расширения компетенций наднациональных органов ЕАЭС в будущем.

Кроме того, ограниченный мандат органов ЕАЭС в сфере торговой политики, заданный учредительным Договором, препятствует заключению более глубоких региональных торговых соглашений на уровне ЕАЭС – третья страна. В последние десятилетия страны используют все большее количество положений ВТО-плюс и ВТО-экстра в РТС между собой [Hofmann et al., 2019], что увеличивает потенциальные выгоды от соглашений. Существуют эмпирические доказательства, что более глубокие (т.е. включающие большее количество положений ВТО-плюс и ВТО-экстра) соглашения обеспечивают больший прирост торговли между участниками [Dur et al., 2014; Kohl et al., 2016; Mattoo et al., 2017], а также способствуют усилению торговли промежуточными товарами [Osnago et al., 2016], т.е. обеспечивают вовлечение участников в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Таким образом, можно заключить, что существующие в ЕАЭС договоренности в сфере торговой политики влекут за собой ограничения для быстрого роста сети глубоких соглашений о ЗСТ и, соответственно, консервируют тенденцию недополучения выгод от соглашений по причине использования традиционных форматов РТС вместо перехода к более глубоким формам.

Кроме того, возможность государств – членов ЕАЭС вести отдельные переговоры в сфере услуг и инвестиций с третьими странами не ограничивается рамками партнеров по ЗСТ, но и делает возможным полноценные переговоры с другими странами без участия ЕАЭС. В частности, Армения заключила соглашение с ЕС по торговле услугами. Ожидается начало переговоров по Соглашению о евразийском экономическом партнерстве между Россией и Китаем, которое будет покрывать достаточно большое количество вопросов взаимного сотрудничества (торговля услугами, инвестиционная активность, защита интеллектуальной собственности, электронная коммерция, государственные закупки и т.д.)²⁹ и позиционируется как аналог мегарегиональных соглашений³⁰. Еще одним примером яв-

²⁹ Россия и Китай завершили совместное технико-экономическое обоснование Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве (<http://old.economy.gov.ru/minrec/about/structure/depTorg/201808062>) (дата обращения: 10.06.2020)

³⁰ Орешкин рассказал о будущем крупном торговом соглашении с Китаем // Ведомости. (<https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/06/08/772230-oreshkin-rasskazal-o-buduschem-kрупnom-torgovom-soglashenii-s-kitaem>) (дата обращения: 10.06.2020)

ляется начало переговоров между Россией и Республикой Корея о либерализации торговли услугами и инвестиционного режима³¹. Безусловно, данные переговоры рассчитаны на достижение результата только в долгосрочном периоде, однако это является подтверждением готовности России к открытию своих рынков, даже если партнеры по ЕАЭС по-прежнему сохраняют большую осторожность в этих вопросах.

Таким образом, сохранение достаточно широких национальных торгово-экономических компетенций и ограниченность наднациональной компоненты в области торговой политики ЕАЭС приводит к снижению эффективности сети ЗСТ ЕАЭС, так как страны оставили за собой мандат на переговоры по многим важным вопросам экономического взаимодействия.

Заключение

РТС являются признанно эффективным механизмом развития торговых связей между участниками, они генерируют торговые потоки и расширяют возможности поддержания устойчивого экономического роста. Создание ЗСТ дает возможность достичь более либеральных и взаимовыгодных условий в различных сферах (в первую очередь, торговле товарами и услугами), а также способствует формированию общепринятых правил применения нетарифных мер и обеспечению благоприятных условий для инвестиционного сотрудничества.

Проведенное исследование показало, что политика Евразийского экономического союза по созданию ЗСТ с третьими странами обусловлена множеством причин. Во-первых, такая необходимость диктуется международным опытом использования РТС как важного и эффективного инструмента торговой политики, который нивелирует упущение экономических и политических выгод странами, не участвующими в процессе интеграции и не имеющими преференциальных торговых соглашений. Во-вторых, политические разногласия Российской Федерации с главным торговым партнером (ЕС) поставили под сомнение целесообразность «стремления в Европу» и привели к поиску иных векторов развития.

Первое ЗСТ – с Вьетнамом – было заключено в год создания ЕАЭС, что объяснялось имеющимися наработками и исторически сложившейся близостью сторон. За ним последовали еще три соглашения. В результате за первые несколько лет существования ЕАЭС удалось заключить четыре РТС, а также в будущем ожидается подписание еще минимум трех новых соглашений. Таким образом, несмотря на то, что сеть ЗСТ ЕАЭС только начала формироваться, можно уже выделить некоторые ее специфические черты. К ним можно отнести: динамичный первичный импульс создания сети, отмеченные особенности относительно небольших экономик торговых партнеров, товарное покрытие ЗСТ без охвата сферы услуг, развитие сети в соответствии с концепцией «суперхаба». Формирующуюся сеть ЗСТ с центром в ЕАЭС можно рассматривать как растущий хаб.

Одной из ключевых особенностей сети ЗСТ ЕАЭС является набор партнеров по ЗСТ – это страны, на которые приходится незначительная доля экспорта ЕАЭС. Однако в рамках исследования было обнаружено, что государства-лидеры по количеству заключенных ЗСТ, имеющие широкие сети зон свободной торговли в настоящее время, первые соглашения о

---

³¹ Россия и Южная Корея ведут переговоры по соглашению о зоне свободной торговли // Новости – Мир – Коммерсантъ. (<https://www.kommersant.ru/doc/4003888>) (дата обращения: 10.06.2020)

ЗСТ также заключали со своими неосновными партнерами, т.е. это является достаточно распространенной практикой. Также стоит отметить, что нынешние и ожидаемые партнеры ЕАЭС по ЗСТ являются динамично развивающимися экономиками и имеют потенциальные возможности выступить в роли дополнительного связующего звена между ЕАЭС и такими интеграционными объединениями, как ЕС, АСЕАН или Африканская континентальная зона свободной торговли.

Другой ключевой особенностью сети ЗСТ ЕАЭС является ограниченность мандата органов Союза и недостаточное покрытие общими нормами и правилами комплекса областей торговой политики, зафиксированных в основном документе Союза – Договоре о ЕАЭС. Кроме очевидных издержек в части оперативного достижения единых договоренностей в рамках ЕАЭС по торговле товарами, этот фактор не только повышает неопределенность при заключении отдельных соглашений государствами – членами ЕАЭС по либерализации торговли услуг и инвестиций на разных условиях, но и усложняет процесс заключения более глубоких РТС, выходящих за традиционную повестку и включающих множество положений ВТО-плюс и ВТО-экстра. Это, в свою очередь, пока что не позволяет максимально эффективно использовать каждое отдельное соглашение и всю общую сеть ЗСТ в целом. Но потенциал этой сети имеет тенденцию к росту и постоянно наполняется новым содержанием.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что ЕАЭС достаточно успешно начал формирование собственной глобальной сети ЗСТ. Данная сеть имеет ряд особенностей, которые могут как способствовать ее дальнейшему развитию, так и препятствовать. В связи с этим необходимо формирование четкой внешнеэкономической стратегии ЕАЭС на среднесрочную перспективу, отражающей варианты развития сети.

* *
*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Договор о Евразийском экономическом союзе. (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) // КонсультантПлюс. (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/) (дата обращения: 10.06.2020)

Воловик Н. Активизация интеграционного взаимодействия Евразийского экономического союза с третьими странами // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 2.

Глинкина С.П., Пылин А.Г., Нгуен Куок Хунг (ред.) Проблемы имплементации и ожидаемые эффекты Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. М.: Эдитус, 2018.

Скрябина В.Ю. Экономический эффект от участия России в интеграционных процессах со странами Дальнего зарубежья (на примере возможных последствий создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Египтом. Диссертация на соискание ученой степени канд. экон. наук. 2019. (https://inecon.org/docs/2019/Skryabina_dissertation.pdf) (дата обращения: 10.06.2020)

Кадочников П.А., Розатных Е.Б., Герман Е.И. и др. (2016). Оценка текущего российско-корейского экономического сотрудничества и перспективы развития на средне- и долгосрочный период. М.: ВАВТ, 2016.

Костюнина Г.М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 43–59.

Лихачева А.Б., Калачигин Г.М. Оценка рисков либерализации торговли товарами со странами Азии в рамках российской политики поворота на Восток // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 3. С. 52–69.

Островская Е.Я., Скрыбина В.Ю. Оценка целесообразности заключения соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Египтом с использованием расчетов торговых индикаторов // Современная конкуренция. 2016. Т. 10. № 6 (60).

Подбиралина Г.В. Основные направления внешнеторгового сотрудничества стран Евразийского экономического союза // Международная торговля и торговая политика. 2016. № 1. С. 15–26.

Ревенко Н.С. Внешняя торговля ЕАЭС с Вьетнамом: первые итоги функционирования зоны свободной торговли // Горизонты экономики. 2017. № 6 (39). С. 75–81.

Ушкалова Д.И. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом: механизмы торговой интеграции // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 6. С. 24–34.

Хейфец Б.А. Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 5. С. 107–120.

Ahn C.Y., Cheong I. A Search for Closer Economic Relations in East Asia // The Japanese Economic Review. 2007. Vol. 58. № 2. P. 173–190.

Baldwin J.R., Gu W. Trade Liberalization: Export-market Participation, Productivity Growth, and Innovation // Oxford Review of Economic Policy. 2004. Vol. 20. № 3. P. 372–392. Doi: 10.1093/oxrep/grh022.

Bhagwati J. Termites in the Trading System: How Preferential Agreements Undermine Free Trade. Oxford University Press, 2008.

Chong S.Y., Hur J. Small Hubs, Large Spokes and Overlapping Free Trade Agreements // The World Economy. 2008. Vol. 31. № 12. P. 1625–1665.

Connolly M., Yi K.M. How Much of South Korea's Growth Miracle Can Be Explained by Trade Policy? // American Economic Journal: Macroeconomics. 2015. Vol. 7. № 4. P. 188–221.

Damro C. The Political Economy of Regional Trade Agreements // L. Bartels, F. Ortino (ed.) Regional Trade Agreements and the WTO Legal System. 2006. P. 23–42.

Dent C.M. Paths Ahead for East Asia and Asia-Pacific Regionalism // International Affairs. 2013. Vol. 89. № 4. P. 963–985.

Dür A., Baccini L., Elsig M. The Design of International Trade Agreements: Introducing a New Dataset // The Review of International Organizations. 2014. Vol. 9. № 3. P. 353–375.

Freund C. Third-country Effects of Regional Trade Agreements // The World Economy. 2010. Vol. 33. № 11. P. 1589–1605.

Greenaway D., Morgan W., P. Wright P. Trade Liberalization and Growth in Developing Countries // Journal of Development Economics. 2002. Vol. 67. № 1. P. 229–244.

Hofmann C., Osnago A., Ruta M. The Content of Preferential Trade Agreements // World Trade Review. 2019. Vol. 18. № 3. P. 365–398.

Horn H., Mavroidis P.C., Sapir A. Beyond the WTO? An Anatomy of EU and US Preferential Trade Agreements // D. Greenaway (ed.) The World Economy: Global Trade Policy 2010. 2011. P. 223–246.

Hur J., Alba J.D., Park D. Effects of Hub-and-Spoke Free Trade Agreements on Trade: A Panel Data Analysis // World Development. 2010. Vol. 38. № 8. P. 1105–1113.

Kohl T., Brakman S., Garretsen H. Do Trade Agreements Stimulate International Trade Differently? Evidence from 296 Trade Agreements // World Economy. 2016. Vol. 39. № 1. P. 97–131.

Krueger A.O. Why Trade Liberalisation Is Good for Growth // Economic Journal. 1998. Vol. 108. № 450. P. 1513–1522. Doi: 10.1111/1468-0297.00358.

Lloyd P.J., MacLaren D. Gains and Losses from Regional Trading Agreements: A Survey // Economic Record. 2004. Vol. 80. № 251. P. 445–467.

Mattoo A., Mulabdic A., Ruta M. Trade Creation and Trade Diversion in Deep Agreements // Policy Research Working Paper Series. № 8206. World Bank, 2017. P. 1–44.

Osnago A., Rocha N., Ruta M. Do Deep Trade Agreements Boost Vertical FDI? // The World Bank Economic Review. 2016. Vol. 30. P. 119–125.

Santos-Paulino A., Thirlwall A.P. The Impact of Trade Liberalisation on Exports, Imports and the Balance of Payments of Developing Countries // *The Economic Journal*. 2004. Vol. 114. № 493. Doi: 10.1111/j.0013-0133.2004.00187.x.

Trade Map – Trade Statistics for International Business Development. Available at: <https://www.trademap.org/> (Accessed: 10.06.2020).

Wacziarg R., Welch K.H. Trade Liberalization and Growth: New Evidence // *World Bank Economic Review*. 2008. Vol. 22. № 2. P. 187–231. Doi: 10.1093/wber/lhn007.

Winters L.A. Regionalism vs. Multilateralism // *Market Integration, Regionalism and the Global Economy* / R. Baldwin et al. (eds.) Cambridge University Press, 1999. P. 7–49.

Winters L.A. Trade Liberalisation and Economic Performance: An Overview // *Economic Journal*. 2004. Vol. 114. № 493. Doi: 10.1111/j.0013-0133.2004.00185.x.

Yanikkaya H. Trade Openness and Economic Growth: A Cross-Country Empirical Investigation // *Journal of Development Economics*. 2003. Vol. 72. № 1. P. 57–89. Doi: 10.1016/S0304-3878(03)00068-3.

Features of the EAEU Strategy for the Formation of an FTA Network

**Vladimir Zuev¹, Elena Ostrovskaya²,
Valentina Skryabina³, Hryhorii Kalachyhin⁴**

¹ National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: vzuev@hse.ru

² National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: eostrovskaya@hse.ru

³ National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: skryabina.valentina@gmail.com

⁴ National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: gkalachigin@hse.ru

The number of free trade agreements (FTA) in international trade is rapidly growing and it makes them the main tool for countries' trade liberalization. Created in the 2015, the Eurasian economic union (EAEU), that has the competence of the customs union, also started actively building a network of FTAs. To date, four such preferential agreements and one non-preferential trade agreement are in force, and at least three other agreements are expected to be signed in 2021–2025.

Some specific features can be attributed to the emerging network that will impact the economic development of the EAEU Member States and will allow its partners to adapt their

foreign trade policies accordingly. The geography of the EAEU agreements demonstrates the intention to create a wide network of FTA covering primarily the Eastern hemisphere, with the potential to extend it to all major regions. The EAEU partners are generally small States and not the strongest economies, and the content of FTA agreements is not yet as broad and deep as, for example, concluded by the EU. It is noteworthy that the system almost does not contain WTO-extra provisions. However, the EAEU is only at the beginning of building an FTA network that may change the EAEU position in the international trade system.

The main goal of the article is to track the distinct features of this new EAEU trade policy and to identify specifics and prospects for the emerging FTA network, based on the already concluded agreements and the coming ones.

Key words: EA; EU economic integration; foreign trade; RTAs; FTA networks; hubs and spokes.

JEL Classification: F02, F15, F53.

* *
*

References

- Ahn C.Y., Cheong I. (2007) A Search for Closer Economic Relations in East Asia. *The Japanese Economic Review*, 58, 2, pp. 173–190.
- Baldwin J.R., Gu W. (2004) Trade Liberalization: Export-market Participation, Productivity Growth, and Innovation. *Oxford Review of Economic Policy*, 20, 3, pp. 372–392. Doi: 10.1093/oxrep/grh022.
- Bhagwati J. (2008) *Termites in the Trading System: How Preferential Agreements Undermine Free Trade*. Oxford University Press.
- Chong S.Y., Hur J. (2008) Small Hubs, Large Spokes and Overlapping Free Trade Agreements. *The World Economy*, 31, 12, pp. 1625–1665.
- Connolly M., Yi K.M. (2015) How Much of South Korea's Growth Miracle Can Be Explained by Trade Policy? *American Economic Journal: Macroeconomics*, 7, 4, pp. 188–221.
- Damro C. (2006) The Political Economy of Regional Trade Agreements. *Regional Trade Agreements and the WTO Legal System* (eds. L. Bartels, F. Ortino), pp. 23–42.
- Dent C.M. (2013) Paths Ahead for East Asia and Asia-Pacific Regionalism. *International Affairs*, 89, 4, pp. 963–985.
- Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze* (Podpisan v g. Astane 29.05.2014) (red. ot 15.03.2018) [Agreement on the Eurasian Economic Union] (Signed in Astana on 29.05.2014) (edited on 15.03.2018) ConsultantPlus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (Accessed: 10.06.2020)
- Dür A., Baccini L., Elsig M. (2014) The Design of International Trade Agreements: Introducing a New Dataset. *The Review of International Organizations*, 9, 3, pp. 353–375.
- Freund C. (2010) Third-country Effects of Regional Trade Agreements. *The World Economy*, 33, 11, pp. 1589–1605.
- Glinkina S.P., Pylin A.G., Nguyen Kuok Hung (eds.) (2017) *Problemy implementacii i ozhidaemye jeffekty Soglashenija o svobodnoj trgovle mezhdru Evrazijskim jekonomicheskim sojuzom i Socialisticheskoy Respublikoj V'etnam* [The Problems of Implementation and the Expected Effects of the Eurasian Economic Union – Vietnam Free Trade Agreement]. Moscow: Jeditus.

- Greenaway D., Morgan W., P. Wright P. (2002) Trade Liberalization and Growth in Developing Countries. *Journal of Development Economics*, 67, 1, pp. 229–244.
- Heifets B.A. (2018) Perspektivy sozdaniya zony svobodnoj trgovli mezhdue EAJeS i ASEAN [Prospects for the Creation of a Free Trade Zone between the EAEU and ASEAN]. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 5, pp. 107–120.
- Hofmann C., Osnago A., Ruta M. (2019) The Content of Preferential Trade Agreements. *World Trade Review*, 18, 3, pp. 365–398.
- Horn H., Mavroidis P.C., Sapir A. (2011) Beyond the WTO? An Anatomy of EU and US Preferential Trade Agreements. *The World Economy: Global Trade Policy 2010* (ed. D. Greenaway), pp. 223–246.
- Hur J., Alba J.D., Park D. (2010) Effects of Hub-and-Spoke Free Trade Agreements on Trade: A Panel Data Analysis. *World Development*, 38, 8, pp. 1105–1113.
- Kadochnikov P.A., Rogatnykh E.B., Gherman E.I., et al. (2016) *Ocenka tekushhego rossijsko-korejskogo jekonomicheskogo sotrudnichestva i perspektivy razvitiya na sredne- i dolgosrochnyj period* [Evaluation of Korea-Russia Economic Cooperation and its Mid- to Long- Term Vision]. Moscow: VAVT.
- Kohl T., Brakman S., Garretsen H. (2016) Do Trade Agreements Stimulate International Trade Differently? Evidence from 296 Trade Agreements. *World Economy*, 39, 1, pp. 97–131.
- Kostyunina G.M. (2019) Vneshnjaja trgovlja Rossii so stranami ASEAN: osnovnye tendencii razvitiya [Russia-ASEAN Foreign Trade: Key Development Trends]. *Russian Foreign Economic Journal*, 3, pp. 43–59.
- Krueger A.O. (1998) Why Trade Liberalisation Is Good for Growth. *Economic Journal*, 108, 450, pp. 1513–1522. Doi: 10.1111/1468-0297.00358.
- Likhacheva A.B., Kalachyhin H.M. (2018) Risk Assessment of Trade Liberalization with Asian Countries in the Context of Russia's Policy of Pivot to Asia. *International Organisations Research Journal*, 13, 3, pp. 52–69.
- Lloyd P.J., MacLaren D. (2004) Gains and Losses from Regional Trading Agreements: A Survey. *Economic Record*, 80, 251, pp. 445–467.
- Mattoo A., Mulabdic A., Ruta M. (2017) *Trade Creation and Trade Diversion in Deep Agreements*. Policy Research Working Paper Series, 8206. World Bank, pp. 1–44.
- Mazyrin V.M. (2016) Vietnam: Free Trade Areas. *World Economy and International Relations*, 60, 3, pp. 72–82.
- Osnago A., Rocha N., Ruta M. (2016) Do Deep Trade Agreements Boost Vertical FDI? *The World Bank Economic Review*, 30, pp. 119–125.
- Ostrovskaya E.Ja., Skryabina V.Yu. (2016) Ocenka celesoobraznosti zakljuchenija soglashenija o zone svobodnoj trgovli mezhdue EAJeS i Egiptom s ispol'zovaniem raschetov trgovyh indikatorov [The EAEU and Egypt Free Trade Agreement Feasibility Study (Including Trade Indicators Calculation)]. *Journal of Modern Competition*, 10, 60, pp. 106–123.
- Podbiralina G.V. (2016) Osnovnye napravlenija vneshnetorgovogo sotrudnichestva stran Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza [Main Areas of Cooperation of Foreign Eurasian Economic Union]. *International Trade and Trade Policy*, 1, pp. 15–26.
- Revenko N.S. (2017) Vneshnjaja trgovlja EAJeS s V'etnamom: pervye itogi funkcionirovaniya zony svobodnoj trgovli [EAEU – Vietnam Foreign Trade: First Results of the Free Trade Zone Functioning]. *Horizons of Economics*, 6, 39, pp. 75–81.
- Santos-Paulino A., Thirlwall A.P. (2004) The Impact of Trade Liberalisation on Exports, Imports and the Balance of Payments of Developing Countries. *The Economic Journal*, 114, 493. Doi: 10.1111/j.0013-0133.2004.00187.x.
- Skrjabina V.Ju. (2019) *Jekonomicheskij jeffekt ot uchastija Rossii v integracionnyh processah so stranami Dal'nego zarubezh'ja (na primere vozmozhnyh posledstvij sozdaniya zony svobodnoj trgovli mezhdue EAJeS i Egiptom)*. [Economic Effect of Russia's Participation in Integration Processes with Foreign Countries (on the example of possible consequences of creating a free trade zone between the EAEU and Egypt)]. Dissertation. Available at: https://inecon.org/docs/2019/Skrjabina_dissertation.pdf (Accessed: 10.06.2020).

Trade Map – Trade Statistics for International Business Development. Available at: <https://www.trademap.org/> (date of the application: 10.06.2020). (Accessed: 10.06.2020).

Ushkalova D.I. (2018) Soglasenie o zone svobodnoj trgovli mezhdu EAJeS i V'etnamom: mehanizmy torgovoj integracii [Agreement of a Free Trade Zone between EAEU and Vietnam: Mechanisms of Trade Integration]. *Bulletin of the IE RAS*, 6, pp. 24–34.

Volovik N.P. (2017) Aktivizacija integracionnogo vzaimodejstvija Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza s tret'imi stranami [Activation of the Integration Interaction of the Eurasian Economic Union with Third Countries]. *Russian Economic Development*, 24, 2, pp. 7–12.

Wacziarg R. Welch K.H. (2008) Trade Liberalization and Growth: New Evidence. *World Bank Economic Review*, 22, 2, pp. 187–231. Doi: 10.1093/wber/lhn007.

Winters L.A. (1999) Regionalism vs. Multilateralism. *Market Integration, Regionalism and the Global Economy* (eds. R. Baldwin et al.), Cambridge University Press, pp. 7–49.

Winters L.A. (2004) Liberalisation and Economic Performance: An Overview. *Economic Journal*, 114, 493. Doi: 10.1111/j.0013-0133.2004.00185.x.

Yanikkaya H. (2003) Trade Openness and Economic Growth: A Cross-Country Empirical Investigation. *Journal of Development Economics*, 72, 1, pp. 57–89. Doi: 10.1016/S0304-3878(03)00068-3.